

2.8. Осада печенегами Белгорода в 997 (6505) г.

2.8.1. Текстология и состав летописной статьи.

Летописный рассказ, читающийся под 997 (6505) г., посвящен осаде печенегами Белгорода, излюбленного города князя-крестителя. Владимир был вынужден отлучиться из города, где находилась одна из первых епископий, и располагался его княжеский дворец с многочисленными наложницами [Насонов 2002]. Отсутствием князя воспользовался враг, осадивший город. В осажденном городе начался голод, и на вече горожане решают сдаться на милость победителей. Им на помощь приходит некий старец. Старик приказывает выкопать два колодца и приготовить из оставшихся припасов цеж и сыту. Цезь и сыту залили в установленные в колодцах кадки и пригласили на переговоры печенежских послов. Горожане сообщили, что осада города бессмысленна, так как белгородцы имеют “кормлю от земли”. Печенежским послам показали “чудесные” колодцы и накормили из них. Печенеги поверили в чудо и сняли осаду с города.

Летописный рассказ отличают занимательность сюжета и естественность рассказа. “...Живость, естественность рассказа достигается...введением в него диалога персонажей, ...и детальным, скрупулезным описанием каких-либо деталей, что сразу вызывает у читателя конкретный зрительный образ” [Творогов 1979].

Традиционно считается, что летописный рассказ “Осада...” является вставкой, произведенной составителем ПВЛ (так как не читается в Н1Л, а летописи Новгородско-Софийской группы в передаче летописного известия не содержат признаков справки по иному, отличному от ПВЛ источнику) [Творогов 1976, с. 25], и восходит к народному преданию [Срезневский, 1861-б, с. 86].

Включение в летопись народных преданий не является новаторством, привнесенным составителем ПВЛ: “Народным преданием Нестор воспользовался не один раз. В этом отношении он действовал по примеру своих предшественников — печерских летописцев...” [Лихачев 1979]. Тем не

менее, народные сказания, включенные в летопись составителем ПВЛ, обнаруживают текстологическое, идейное и композиционное сходство и отличают его труд от работы предшественников. Так, В.В. Кусков обратил внимание, что в типологически различных фольклорных сказании о Белгородском киселе и сказании о Кожемяке выявляются общие черты: “И сказание о Кожемяке, и сказание о Белгородском киселе - законченные сюжетные повествования, строящиеся на противопоставлении внутренней силы труженика бахвальству страшного только на вид врага, мудрости старца – легковерию печенегов. Кульминацией сюжетов обоих сказаний являются поединки: в первом - единоборство физическое, во втором – единоборство ума и находчивости с легковерием, глупостью. Сюжет сказания о Кожемяке типологически близок сюжетам героических народных былин, а сказания о Белгородском киселе – народным сказкам” [Кусков 1998]. Наблюдения В.В. Кускова подтверждаются исследованием В.В. Долгова “Чудеса и знамения в Древней Руси X – XIII вв.” [Долгов 2001-б]. В.В. Долгов заметил, что в ПВЛ, написанной “впитавшими значительную долю византийской образованности южными монахами”, намного больше уделяется внимания описанию “чудесного” и его истолкованию, чем в НЛ, для которой характерно “флегматичное фиксирование” событий без пояснений [Долгов 2001-б].

Летописная статья ПВЛ не сводима к ее фольклорному источнику: “Обычно странное сочетание наивности и безрассудства в истории о белгородском киселе принято объяснять фольклорностью (подразумевается, вымышленностью) начальной части ПВЛ. Это объяснение, однако, довольно поверхностно, ведь история эта была помещена в летопись, и значит, серьезных сомнений в ее истинности, по крайней мере, у самого летописца не было...” [Долгов 2001-б]; особенности летописного рассказа объясняются мировосприятием средневекового человека, не знавшего строгого противопоставления мира земного и потустороннего.

2.8.2 Моделирование языковой личности.

Так как летописная статья не читается в Н1Л, а С1Л в передаче летописного известия не содержат признаков справки по иному, отличному от ПВЛ источнику, моделирование ЯЛ производим по ЛЛ.

В ходе пословного исследования “Осады...” нами рассмотрено 434 словоформы. Среди частотных лексем, характерных для рассказа об осаде города (**градъ**, **градъскыи** (12); **печенѣги**, **печенѣжскыи** (12) – враги; **гладъ** (5) – враждебная, хаотическая стихия; **людье** (5) – защитники; **князь**, **княжъскыи** (5) – гарант порядка и изобилия, защитник, вершина и символ размеренного мира (**градъ**); (**по**)**ити**, **шедьти** (2+4) – описание действий; **рещи** (7) – используется при оформлении прямой речи, с помощью которой вводятся подробности и пр.) – выделяется лексема (**по**)**велети** (7). Данная лексема характеризует как главного действующего лица повествования не князя и не горожан, но некоего безвестного старца (**старьць** (1)).

Событийная последовательность рассказа и выявленные лексические доминанты свидетельствуют, что в летописной статье 997 (6505) г. использована тезаурусная стратегия “разрушение устроенного, упорядоченного мира (**градъ**: “**Печенѣзи...придоша и сташа школо Бѣлагограда. и не дадоху выльѣсти из города. и бы^с гладъ великъ в городѣ...и оудолжиса штом в городѣ...**” [ЛЛ, с. 127]); торжество злых стихий (**печенѣги**, **гладъ**: “**...оувѣдѣша Печенѣзи яко княза нѣтѣ. [и] придоша ...**” [ЛЛ, с. 127]; восстановление порядка, размеренного мира: “**...въсташа ѿ града въ своя си идоша**” [ЛЛ, с. 129]).

Мироохранительная функция князя, свойственная для выявленной тезаурусной стратегии, в летописном рассказе редуцирована (**Володимиръ** (2)): “**...Володимеру же шедшо Новугороду... и не бѣ лзѣ Володимеру помочи...**” [ЛЛ, с. 127]. Властные решения в осажденном городе принимает иной институт – **вече** (3).

Вече – более архаичный и вторичный во времена Владимира институт власти: “...Вечевая легитимность "заполняет паузу", в то время когда князь по тем или иным причинам теряет свою легитимность и власть разрушается, теряя свою социальную опору. Следовательно, у вечевой легитимности две цели: а) заместить коллективным решением общины утраченную легитимность и б) как можно быстрее сформировать новую постоянную (княжескую) легитимность на основе одной из форм: завоевания-приглашения-согласия” [Соловьев 1999]. Так как судьбоносные решения в голодающем городе принимают “градские старейшины”, возглавляющие языческий культ и ответственные за жертвоприношения [Насонов 1962, с. 25], определяем безымянного старца, который действительно является главным действующим лицом повествования (**повѣлѣти** (7)) как языческого волхва. Вече лишь придает легитимность действиям старца, горожане (**людѣ**) не совершают самостоятельных поступков, а исполняют повеления старца и обретают самостоятельность лишь при одаривании печенегов (появление активности в действиях горожан оформлено с помощью прямой речи, риторического вопроса к неприятелю: “**Что можете створити на^а. имѣемъ во кормлю ѿ землѣ?**” [ЛЛ, с. 128]); князь Владимир, отлучаясь из города, осуществляет функцию катализатора разворачивающихся событий.

Способ избавления от печенегов, предложенный старцем-волхвом, обнаруживает приметы языческого культа – символического “кормления-задабривания” в экстремальной ситуации (осада, голод). Согласно предпринятому Л.Н. Виноградовой исследованию славянской народной демонологии запрошенные старцем продукты (**кисель** (2), **медъ** (2), **овесъ** (1), **пшеница** (1)) являются традиционной ритуальной пищей, бескровной жертвой у славянских племен, а построенные колодцы (**кладъ** (6)) – местом размещения жертвенной пищи в ритуалах “кормления” [Виноградова 2001]. Таким образом, действия старца представляют собой инсценирование (ритуальное или связанное с ритуалом) земли обетованной (“молочные реки – кисельные берега”). Летописный рассказ сохраняет частотные лексические

маркеры, мотивированные языческим культом плодородия, изобилия: переход между потусторонним миром и земным (**померети** (3), **оумертвити** (1), **живити** (1); **ископати** (3), **погрести** (1)), ритуальное “кормление” (жертвенные продукты, **(с)варити** (3), **наляяти** (4), **створити** (5), **(по)имети** (5), **(в)дати** (3), **ясти** (3)).

С помощью обряда старцем осуществляется замещение реальной жертвы (**предатися** (3) **печенѣгомъ**) символической (**вдати** (3) **сыты**). Обманутые печенеги (=задобренные темные силы?) отступают от города (**въ своя си идоша**), нарушенный порядок восстанавливается.

Итак, в ходе исследования тезауруса “Осады...” нами обнаружено, что составитель ПВЛ при создании летописной статьи использовал восточнославянский фольклорный материал, связанный с языческим культом плодородия, изобилия – символическим “кормлением-задабриванием”. Использование языческого материала мало соответствовало как утверждаемому в ПВЛ образу князя-крестителя Владимира и его излюбленного города Белгорода (**“Въ лѣт .ѡ.ѡ. Володимеръ заложи градъ Бѣлѣгородъ и нарѹчи въ не ѿ инѣхъ городовъ и много люди сведе во нь бѣ во любѣ градъ съ”** [ЛЛ, с. 122]), где была учреждена одна из первых епархий, так и контексту окружающих рассказ летописных статей: крещение Руси Владимиром (987 г.); заложение церкви Святой Богородицы князем Владимиром (989 г.); завершение строительства церкви, восхваление христианской добродетели Владимира (996 г.); смерть блаженного князя Владимира, сказание о Борисе и Глебе (1015 г.). Поэтому использованное предание, описывающее языческий культ, было реорганизовано летописцем. Составитель ПВЛ перестроил повествование по извлеченной из византийского источника тезаурусной стратегии: “разрушение упорядоченного мира, торжество злых сил, восстановление порядка, размеренного мира (князем/цесарем)”, и с помощью вставки: **“Володимеру же шедшу Новугороду. по верховниѣ воѣ на Печенѣгы. бѣ во рать велика вес перестани. В се же время оувѣдѣша Печенѣзи яко княза**

нѣтѣ. [и] придоша и сташа школо Бѣлагограда. и не дадоху вылѣсти из города и не бѣ лзѣ Володимерѣ помочи. не бѣ во вои оу него...” [ЛЛ, с. 127], – придал летописному сообщению пафос борьбы христианского князя с inferнальным началом (язычниками печенегами).

Прагматикон летописного рассказа утверждает власть князя Владимира: в ситуации утраты легитимности княжеской власти белгородцы сохранили верность своему князю – христианину, объединившему крещением Русскую землю и ведущему борьбу с языческой степью.

2.8.3. Исследование лексических замен.

При исследовании летописной статьи 997 (6505) г. “Осада...” по ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ и С1Л нами было выявлено 23 ЛЗ.

ЛЗ лексикона представлены следующими группами:

1. Лексические замены, отражающие обновление устаревшей лексики: **ОУМЕРТВИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – **ОУБИТИ** (РЛ, АЛ): “ да лѣче ли ны померети. вѣданы са Печенѣгомъ. да кого живати. кого ли оумертвати. оуже помираем ѿ глада. и тако свѣтъ створиша” [ЛЛ, с. 127]; **СНИСКАТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ДОБИТИ** (РЛ, АЛ): “они же шедше ради снискаша. и повелѣ женамъ створити цѣжь ” [ЛЛ, С. 128]; **ВЗЯТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **НАИТИ** (РЛ, АЛ): “ они же шедше взаша медѣ лѣкно. бѣ во погребено в княжи медѣши ” [ЛЛ, с. 128]; **ЛАТЪКЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – **КОТѢЛЪ** (АЛ): “...и почерпоша вѣдромъ и льяша в латки. яко свариша кисель. и поимше придоша с ними к другому кладязю” [ЛЛ, с. 129]; **ОУЗРѢТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ВИДИТИ** (ИЛ): “ Что можете створити на^м имѣемъ во кормлю ѿ землѣ. аще ли не вѣруѣте. да оузрите своимъ очима. и приведоша я къ кладязю идѣже цѣжь...” [ЛЛ, с. 128 – 129].

2. Лексические замены, с помощью которых образуются параллельные конструкции. Так, в упомянутой выше ЛЗ **ВЗЯТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **НАИТИ** (РЛ, АЛ) с помощью создания в РЛ-АЛ тавтологического повтора корневого

морфа “-шед-” образуется на месте чтения “шедше и взяша” параллельная конструкция “шедше и нашедъ”, акцентирующая внимание на связке “процесс – результат”.

В ЛЗ **МОУЖЬ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ВЫ** (РЛ, АЛ): “...и горожане же рѣша шедше к Печенѣго^а поимѣте к собѣ таль нашъ. а вы поидѣте до .і. **моужь**” [ЛЛ, с. 128] при описании предложения белгородцев посетить город и обменяться заложниками в РЛ-АЛ создается параллельная конструкция, подчеркивающая равноценность обмена. Основа оппозиции – личные местоимения **мы** и **вы**: [**мы**] (говорящий) – **таль** (предмет обмена) – **нашъ** (принадлежность предмета обмена) || **вы** (слушающий) – **десять** (предмет обмена) – **вы** (принадлежность предмета обмена).

Создание параллельных конструкций свидетельствует о восприятии летописной статьи как образца, клишировании ее содержания.

3. В ЛЗ **ВѢРОВАТИ**²³ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ИМАТИ**^{21+ 118 (имѣти)} **ВѢРҪҮ**⁴⁸ (С1Л): “Что можете створити на^а имѣемъ во кормлю ѿ землѣ. аще ли не **вѣрҪҮѣте**. да оҫрите своима вчима” [ЛЛ, с. 128] в С1Л происходит разделение модусного (имати) и диктумного (**вѣра**) смысла лексемы **вѣровати**, низкочастотной в ПВЛ.

4. Замена местоимения, указывающего на близлежащий предмет, местоимением, указывающим на удаленный предмет: **СЕ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ТО** (ИЛ): “ВолодимерҪҮ же шедшо НовҪҮгородҪҮ. по верховниѣ воѣ на Печенѣгы. вѣ во рать велика бес перестани. **В се** же время оҫвѣдѣша Печенѣзи яко княза нѣтҪҮ...” [ЛЛ, с. 127].

5. ЛЗ, обусловленные применением летописцем устойчивых трафаретных конструкций (книжно-письменных клише). Под воздействием традиционных формул воинского повествования [Зотов 2003] возникли ЛЗ: **БЕС ПЕРЕСТҪҮ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ЗѢЛО** (С1Л): “ВолодимерҪҮ же шедшо НовҪҮгородҪҮ. по верховниѣ воѣ на Печенѣгы. вѣ во рать велика **бес**

перестани...” [ЛЛ, с. 127] и **НЕ БѢ ЛЗѢ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – **ЗЛѢ** (С1Лю): “...придоша и сташа школо Бѣлагограда. и не дадоху выльѣсти из города. и бы^с гладъ великъ в городѣ и не бѣ лзѣ Володимеру помочи. не бѣ во вон оу него. Печенѣгъ же множество много...” [ЛЛ, с. 127].

Материал ЛЗ тезауруса “Осады...” свидетельствует об утверждении в последующем летописании тезаурусной стратегии, избранной составителем ПВЛ для реорганизации языческого предания в рамках ПВЛ. Поздние переписчики редуцируют элементы, восходящие к языческому преданию, и, тем самым, продолжают осуществленную составителем ПВЛ адаптацию использованного фольклорного материала к летописной статье, в которой описывается эпизод борьбы с язычниками печенегами и утверждается незыблемость власти христианского князя Владимира.

Так, ряд ЛЗ свидетельствует о переходе полномочий главного героя повествования от старца-волхва к самим горожанам: **БЫТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **СТВОРИТИ** (ИЛ): “...бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томь. и впраша что ради вече было. и людье повѣдаша емю...” [ЛЛ, с. 127]; **ПОВѢЛѢТИ ПОСЛАТИ** (ЛЛ, РЛ) – **ПОСЛАТИ**: **ПОСЛА** (ИЛ) / **ПОСЛАША** (С1Л): “Уни же шедше взаша меду лүкно. бѣ во погребено в княжи медуши. и повелѣ росытити велми. и вълѣяти в кадь в друзѣмь колодази. оутро же (*старец*) повелѣ послати по Печенѣгъ^м и горожане же рѣша к Печенѣго^м...” [ЛЛ, с. 128]; **ИТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ПОСЛАТИ** (РЛ, АЛ): “...и горожане же рѣша шедше к Печенѣго^м поимѣте к собѣ таль нашъ. а вы поидѣте до .i. моужь” [ЛЛ, с. 128]; **ПРИИТИ** (ЛЛ) – **ПРИВѢСТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...и приведоша я къ кладязю идѣже цѣжь. и почерпоша вѣдромь и льяша в латки. яко свариша кисель. и поимше придоша с ними к другому кладязю и почерпоша сыты...” [ЛЛ, с.128 – 129].¹

¹ Согласно текстологическим реконструкциям А.А. Шахматова, Д.С. Лихачева и Д. Островского первичным является чтение ЛЛ **принти** [Ostrowski 2003, p. 1010 №129.3].

К этой же группе относим ЛЗ **ЛЮДЬЄ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ѠНИ** (РЛ, АЛ): “...людьє же нальѡша корчагү цѣжа. и сыты Ѡ колодаѡ [и] вдаша Печенѣго” [ЛЛ, с. 129]. Замена существительного на местоимение свидетельствует о том, что лексема **людьє** воспринималась в РЛ-АЛ как тематическая, что и сняло необходимость в экспликации лексемы. ЛЗ **ЖЄНАМЪ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ЖЄ ИМЪ** (ИЛ): “...ре” имъ сверѣте аче и по горсти ѡвса. или пшеницѣ. ли ѡтрүбъ. ѡни же шедше ради снискаша. и повелѣ женамъ створити цѣжь. в немъже варятъ кисель. и повелѣ ископати колодаѡ...” [ЛЛ, с. 128] демонстрирует ошибку переписчика ИЛ: под воздействием тенденции акцентирования внимания на действиях горожан летописец воспринял словоформу **жѣнамъ** как сочетание частицы **жє** и местоимения **намъ**, отсылающего к лексеме **людие**, и заменил местоимение соответствующим данному контексту местоимением **онъ**.

Другая группа ЛЗ тезауруса показывает, что в летописных сводах оказался востребованным мотив изобилия. Так, ЛЗ **ПОДИВИТИСЯ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л_о) – **ПОЛИВИТИСЯ** (С1Л_к): “ѡниже пришедше повѣдаша вса бывшая и варивше яша князи Печенѣзьстии. и подивишася и поимше тали своя...” [ЛЛ, с. 129]; **НАЛЪЯТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – **НАПЪЯТИ** (АЛ): “...людьє же нальѡша корчагү цѣжа. и сыты Ѡ колодаѡ [и] вдаша Печенѣго” [ЛЛ, с. 129], произошедшие вследствие описки, мотивируются лексемами “изобилия” **лити** и **напоити**. В ЛЗ **КАДЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **КОЛОДАѡЗЪ** (С1Л): “ѡни же шедше вѡша медү лүкно. бѣ бо погребено в княжи медүши. и повелѣ росытити велми. и вѣльяти в кадъ...” [ЛЛ, с. 128] акцентирует внимание на чудесном колодце изобилия, а чтение **дрюгын** в ЛЗ **ТАМО** (ЛЛ, ИЛ) – **ДРОУГЫИ** (РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л): “...и повелѣ ископати колодаѡзъ. и встави[ти] тамо кадъ. и нальяти цѣжа кадъ. и повелѣ дрүгын колодаѡзъ ископати. и вставити тамо кадъ. и повелѣ искати медү...” [ЛЛ, с. 128] увеличивает (с помощью повтора

лексемы **дрогыи**) объемы приготавливаемой белгородцами “чудесной” жидкости.

Появление части ЛЗ обусловлено адаптацией повествования под воздействием изменившихся культурно-исторических реалий. Так, в ЛЗ **ГОРОДЪ** (ЛЛ, ИЛ) – **РОДЪ** (С1Л) – “пропуск” (РЛ, АЛ): “...пояша оу ни^х тали. а сами избраша лучшиѣ мужи в городѣхъ. и послаша в градъ. да розгладають в городѣ что са дѣеть...” [ЛЛ, с. 128]¹ летописец, как представитель городской культуры, заменил лексему **родъ** сходной по написанию лексемой **городъ**, которая более соответствовала его представлениям о процедуре назначения послов. Институт городских старейшин, архаичный в Поднестровье уже во время создания ПВЛ, был неизвестен летописцу, что вызвало ЛЗ **ГРАДЪСКИЙ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ЛЮДСКИЙ** (С1Л): “людье повѣдаша емѹ. яко оутро хотѣт са людье передати Печенѣго^а се слышавъ посла по старѣишины градьскыѣ. и ре^ч имъ...” [ЛЛ, с. 127 – 128]. Замена лексемы **градьскыи** лексемой **людьскыи** обусловлено переходом полномочий главного героя к горожанам.

На уровне прагматикона нами отмечена ЛЗ **ГЛАДЪ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ГРАДЪ** (ИЛ): “...и не дадоху выѣсти из города. и бы^с гладъ великъ в городѣ. и не бѣ лзѣ Володимеру помочи. не бѣ во вои оу него. Печенѣгъ же множество много. и оудолжиса встоя в городѣ. и бѣ гладъ великъ...” [ЛЛ, с. 127]. В летописной статье ПВЛ голодом в осажденном городе обосновывается временная утрата легитимности власти князя Владимира. Редактор ИЛ изымает такое объяснение и акцентирует внимание на значении города (**градъ великъ**) и его сдачи для Руси и престижа власти Владимира.

Итак, в ходе исследования летописной статьи об осаде Белгорода печенегами по методике исследования ИЯЛ мы выяснили, что прагматически

¹ Согласно базирующейся на стемматическом соотношении основных списков ПВЛ реконструкции Д. Островского первичным является чтение **въ городѣхъ**, А.А. Шахматов и Д.С. Лихачев реконструируют чтение по содержанию (выбор именитых представителей у печенегов) – **въ родѣхъ** [Ostrowski, 2003, с. 1008 №128.22].

рассказ ПВЛ направлен на утверждение власти Владимира как христианского князя, обороняющего Русскую землю от посягательств иноземцев-язычников: в ситуации утраты легитимности княжеской властью белгородцы сохраняют верность князю. Для создания летописного сообщения составитель ПВЛ использовал фольклорный материал – предание, связанное с культом изобилия (символическим “кормлением-задабриванием”). Так как перед летописцем стояли иные задачи, отличные от решаемых в языческом предании, повествование было организовано им по тезаурусной стратегии “разрушение упорядоченного мира, торжество темных сил, восстановление порядка (князем/цесарем)” и включено в контекст христианизации и собирания Русской земли вставкой о борьбе Владимира с печенегами. Так тезаурус летописного сообщения был сориентирован на изложение противостояния христианского князя и inferнального начала (печенегов).

При сопоставлении избранных летописей нами были обнаружены ЛЗ на всех трех уровнях организации ЯЛ. ЛЗ лексики отражают обновление устаревшей лексики; мену местоимения, указывающего на близлежащий предмет, на местоимение, указывающее на удаленный предмет; образование параллельных конструкций и использование в поздних летописных сводах устойчивых трафаретных конструкций. Материал ЛЗ тезауруса свидетельствует, что развитие летописного рассказа происходило в русле избранной составителем ПВЛ тезаурусной стратегии. Так, на уровне тезауруса происходит адаптация повествования под воздействием изменившихся культурно-исторических реалий; ряд ЛЗ свидетельствует о том, что в качестве главного героя повествования стали восприниматься белгородцы: последователи составителя ПВЛ продолжили редукцию элементов языческого предания. С другой стороны, в летописных сводах оказалась востребованной тема изобилия.... Прагматикон летописной статьи не претерпел существенных трансформаций. Однако обращает на себя внимание ЛЗ *гладъ – градъ*, в которой запечатлено смещение акцента с

противостояния Владимира и печенегов на летописную фиксацию Белгорода. Очевидно, со временем летописное известие стало восприниматься как топонимическое предание о Белгороде, что и вызвало данную ЛЗ. Смещение прагматической установки подтверждается ЛЗ тезауруса, в которых усиливается значение горожан как главного действующего лица повествования.